

РОССИЯ И США В ИНФОРМАЦИОННУЮ ЭПОХУ

© 2019 г. **П.А. Шариков***
Статья поступила в редакцию 29.03.2018.

В статье рассматриваются особенности политических процессов в США и России в информационную эпоху. В результате стремительного распространения информационных технологий в конце XX – начале XXI века приоритетом государственной политики стало регулирование сферы информации. Информационный фактор оказывает заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств. Пример США и России наиболее показателен, так как отличия в национальном подходе к информационной политике этих двух стран видны наиболее ярко. Американская информационная политика в значительной степени обусловлена тем фактом, что именно там находился эпицентр информационной революции в 1990-е годы. Она была связана со спросом на потребительские технологии работы с информацией. В основу государственной политики были заложены индивидуалистические традиции государственного регулирования. Присущий российской политике патернализм обусловил коллективистский подход к информационному регулированию. Принципиальное отличие российского подхода от американского заключается в усилении государственного контроля над индивидуальным производством и потреблением информации. Данное обстоятельство имеет непосредственное влияние на двусторонние отношения и составляет один из факторов продолжающегося кризиса.

Ключевые слова: Россия, США, информационная политика, интернет, информационная безопасность

Конец XX – начало XXI века характеризуется наступлением новой эпохи. В значительной степени оно обусловлено информационной революцией – изобретением и стремительным повсеместным распространением технологий работы с информацией. Роль и значение информационных ресурсов возросла, они открыли практически неограниченные возможности политического и экономического развития, причём не только на внутригосударственном уровне, но и на глобальном. Информация в современном мире это одновременно ресурс, инструмент влияния, а также средство создания среды взаимодействия. Очевидно, что информационные ресурсы в значительной степени определяют мощь государств, при этом государственная политика в сфере регулирования информации становится приоритетом. Серьёзный вызов состоит в том, что информаци-

* **ШАРИКОВ Павел Александрович** – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института США и Канады РАН (ИСКРАН). Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3; доцент кафедры региональных проблем Факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234 Москва, Ленинские горы 1e51. (pasha.sharikov@gmail.com).

онное производство и потребление в значительной степени индивидуально, по сравнению с неинформационными товарами и услугами.

Информационная политика представляет собой комплекс мер, предпринимаемых органами государственного управления, направленных на организацию информационных потоков и распределение информационных ресурсов. Таким образом, цель внутриполитического регулирования – создание максимально благоприятных условий для эффективного индивидуального производства и потребления информации.

При этом информационная революция оказывает влияние и на международные отношения. На глобальном уровне, она позволила интенсифицировать международное взаимодействие, причём не только на межгосударственном, но и на уровне гражданского общества. Во многом это ускорило процессы глобализации. Этап наиболее стремительного распространения информационных технологий исторически совпал с переломным периодом развития системы международных отношений, связанным с распадом bipolarности. Формирование новой системы сопровождается высокой степенью нестабильности. Информационная революция играет заметную роль в усилении полицентричности – определяющей тенденции в развитии новой системы международных отношений.

США и Россия – страны, представляющие две противоположные модели вступления в информационную эпоху. В определённой степени именно разный подход к внутриполитическому регулированию информационных ресурсов стал дополнительным фактором возникновения и обострения противоречий в двусторонних отношениях между Россией и Соединёнными Штатами. В настоящее время в двусторонних отношениях наметился тяжелейший кризис.

Информационная эпоха

Логика наступления информационной эпохи совпадает с трансформациями, произошедшими в ходе промышленной революции XVIII века.

Британский экономист Р. Аллен объяснял промышленную революцию феноменом макроизобретений. По его мнению, они “характеризуются радикальным изменением факторов производства”. К таковым английский экономист относил паровой двигатель, ткацкий станок и технологии выплавки железа на коксе [Аллен Р. 2014: 220–221]. Широкое распространение макроизобретений обусловили переход феодального общества в капиталистическое.

Технологии, появившиеся в ходе промышленной революции, спровоцировали масштабные социальные сдвиги, и оказали влияние на политические процессы.

Коренное изменение производительных сил поменяло классовое соотношение в обществе – классы наёмных рабочих и буржуазии, не принимавшие ранее активного участия в политике, стали основными. Это оказало влияние на политические системы, которые трансформировались таким образом, чтобы обслуживать общественные отношения в условиях капитализма и индустриальной эпохи. Именно тогда были заложены политические традиции, коренным образом трансформировавшие характер взаимодействия общества и власти, и определившие отрыв западной цивилизации от всего остального мира.

Ко второй половине XX века, по мере распространения в мире индустриального общества, промышленное производство перестало обеспечивать конкурентное преимущество странам Запада. Вместе с тем, они сохранили мировое

лидерство, однако оно уже было обусловлено другой технической революцией – информационной.

Наступление информационной эпохи – один из дискуссионных вопросов современной гуманитарной науки. Бесспорно, индустриальное производство не обеспечивает конкурентоспособность стран Запада в современном мире. По подсчётам Всемирного банка, доля промышленности стран в ВВП Запада не превышает 18–20%¹. Многие исследователи уязвляют снижение роли индустриального производства с наступлением новой эпохи. К примеру, А. Тоффлер называл её информационной, Д. Белл – постиндустриальной.

Большинство российских и зарубежных исследователей сходятся во мнении, что отрыв стран Запада в современном мире связан с научными достижениями [Ferguson N. 2011: p. 48–49].

Макроизобретениями информационной революции является вычислительная техника, технологии работы с информацией – персональные компьютеры, мобильные информационные устройства и всемирная сеть интернет.

При этом, информационные продукты имеют ряд принципиальных отличий от индустриальных. Прежде всего – неотчуждаемость: в отличие от материальных предметов, энергии и прочих ресурсов, передача или обмен информацией, как правило, не подразумевает её отчуждение у одного субъекта в пользу другого. Безопасность информации подразумевает гарантию сохранения её определённых свойств – объективность, доступность, целостность, конфиденциальность, оперативность и др.

Примечательно, что производителем и обладателем² информации всегда является человек, именно благодаря интеллектуальной деятельности индивидов производится и потребляется этот ресурс. Возросший спрос обусловил стремительное развитие и распространение информационных технологий. По сравнению с промышленными продуктами производство и потребление информации в значительно большей степени индивидуально.

В современной американской литературе описываемый феномен получил название *individual empowerment*. На русский язык это можно перевести как усиление влияния индивидуальных возможностей (индивидов). В системе государственного управления, усиление влияния индивидов представляет собой вызов государственной власти. В докладе “Глобальные перспективы 2030” Национального разведывательного совета утверждалось, что “с одной стороны, наблюдается увеличение потенциала для личной инициативы как ключевого фактора решения глобальных вызовов в следующие 15–20 лет. С другой стороны, люди и их небольшие группы имеют потенциальный доступ к разрушительным технологиям, (в частности, к высокоточным вооружениям, киберинструментам, технологиям биологического терроризма). “Тектонический” сдвиг заключается в том,

¹ По данным базы данных Всемирного банка. World Development Indicators. Available at: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.IND.TOTL.ZS> (Accessed 04.07.2018).

² Не путать с правообладателем. Из-за неотчуждаемости информационных ресурсов в юридической науке появилась отдельная дисциплина – право интеллектуальной собственности (*copyright* – дословно – право на копирование). Суть законодательных норм, регулирующих права интеллектуальной собственности, связана с определением условий легального копирования и использования результатов интеллектуальной деятельности правообладателем.

что раньше монополией на нанесение ущерба такого масштаба обладали только государства”³.

Это, в свою очередь, является вызовом для политического регулирования, требует принципиально иных подходов. Политические институты, гарантировавшие стабильность и условия для развития индустриального общества в индустриальную эпоху – не отвечают новым условиям.

Во многих странах мира, в первую очередь в странах Западной цивилизации, наблюдается антагонизм внутри среднего и правящего класса – противостояния между представителями индустриального производства и информационного. Государственная политика в сфере информации должна вырабатываться с учётом особенностей и роли информационных ресурсов.

Более того, благодаря информационной революции интенсифицировались процессы глобализации. Усиливаются и укрепляются международные связи не только на государственном уровне, но на уровне гражданского общества, что оказывает заметное влияние на динамику отношений между странами.

Соединённые Штаты Америки стали эпицентром информационной революции. Во второй половине XX века там сформировались условия, благоприятные для реализации массового спроса на информационные технологии. В связи с этим американский политический опыт регулирования сферы информации в последние десятилетия представляет большой интерес.

Американский опыт

Если Великобритания была пионером индустриального развития, то начиная со второй половины XX века Соединённые Штаты оказались в центре информационной революции. Именно информационные технологии сыграли большую роль в обеспечении американского экономического роста, наблюдавшегося в 1990-е годы. Причём основным двигателем развития после окончания холодной войны был технологический прогресс и производство знаний.

Технологическому прорыву, наблюдавшемуся в США в 1990-е годы, способствовали сложившиеся традиции научно-образовательной политики. Высокий спрос на результаты интеллектуальной деятельности со стороны бизнеса, благоприятные политические условия и инвестиционный климат сформировали американское лидерство. Особое внимание стоит обратить на то, что основная нагрузка на подготовку высококвалифицированных кадров лежит на университетах, которые являются научно-исследовательскими центрами, обеспечивающими связь науки и образования. По мнению доктора экономических наук В.Б. Супяна, в США существует очень эффективный механизм производства знаний и их последующего расширенного воспроизводства, в основе которого лежит тесное взаимодействие «правительство-образование-бизнес» [Супян В.Б. 2009: с. 55].

Американская государственная научно-образовательная политика отличается невысокой степенью государственного интервенционизма, самоуправлением. Кроме того, в США наблюдается интенсивная динамика системы высшего образования, позволяющая оперативно поставлять на рынок труда необходимое ко-

³ Global Trends 2030 Alternative Worlds.

<https://globaltrends2030.files.wordpress.com/2012/11/global-trends-2030-november2012.pdf> p. iii (accessed 17.10.2018).

личество квалифицированных работников в случае структурных изменений в экономике.

Научно-технологическое лидерство Соединённых Штатов в информационную эпоху связано с макроэкономическими изобретениями информационной эпохи – потребительскими технологиями работы с информацией (персональные компьютеры, смартфоны, планшеты), и интернет-технологии. Наиболее успешные и динамично развивающиеся компании современного мира это предприятия, производящие «информационное сырьё» – технологии для работы с информацией. В значительной степени эти компании монополизировали определённую часть «информационного сырьевого рынка». Подобно тому, как железнодорожная империя Корнелиуса Вандербильда, “Стандарт ойл” Джона Рокфеллера, “Ю-эс стил” Эндрю Карнеги и другие компании создали основу промышленного бума в США в конце XIX – начале XX веков, современные ИТ-гиганты, “Майкрософт”, “Эпл”, “Гугл”, “Фейсбук” обеспечивают американское лидерство в информационный век. Всемирно известные компании Билла Гейтса, Стива Джобса, Лари Пейджа, Сергея Брина, Марка Цукерберга и других предпринимателей позволяют удовлетворять спрос на технологии производства и потребления информационных ресурсов не только на внутреннем, но и на мировом рынках. При этом глобальный характер сети интернет обеспечивает спрос на американские информационные технологии во всех странах мира.

Регулирование сферы информации стало приоритетом американской государственной политики раньше, чем в других странах. При этом, учитывая глобальное лидерство Соединённых Штатов в данной сфере, регулирование на внутривнутриполитическом уровне оказывало непосредственное влияние на развитие всемирной сети в целом. С начала 1990-х до начала 2010-х годов, динамичного периода информационной революции, политика США в этой сфере принимала характер крайностей. Наиболее приоритетным направлением было обеспечение безопасности. Ключевой проблемой информационной безопасности, до сих пор неразрешённой ни в США, ни в других странах, является определение пределов государственного интервенционизма. С одной стороны, для безопасности государственным правоохранительным органам и специальным службам необходим контроль, или во всяком случае доступ к конфиденциальной информации граждан. С другой – производство и потребление информации индивидуально, и чрезмерный контроль со стороны государства нарушает права и свободы человека. Очевидно, что слабая роль государства в информационной безопасности открывает пространство для недобросовестной конкуренции и крупных правонарушений. Подобная ситуация сложилась в 1990-х годах, когда государство не успевало реагировать на новые проблемы информационного бума.

В первое десятилетие XXI века стратегия обеспечения национальной безопасности США была направлена на то, чтобы противодействовать террористической угрозе. В этот период были приняты различные законодательные меры, заметно усиливавшие полномочия государственных органов в области контроля

над сферой информации (к примеру закон “ПАТРИОТ”⁴). Именно тогда у американских специальных служб появились технические возможности и законодательные полномочия получать доступ к разным категориям конфиденциальных данных и частной информации, что вызывало недовольство со стороны правозащитных организаций и даже международного сообщества.

Информационная политика администрации Б. Обамы была более взвешенная и умеренная. Определённым компромиссом стал закон “О СВОБОДЕ”⁵, отменяющий наиболее жесткие положения закона “ПАТРИОТ”. Кроме того, администрация Б. Обамы инициировала реформу глобальной системы управления интернетом, передав часть функций американских государственных агентств международной структуре.

Сейчас пока рано говорить о последовательной, детально продуманной позиции Республиканской и Демократической партий по вопросу управления информационными ресурсами. Многие решения принимаются исходя из конъюнктурных соображений, но не идеологии. Тем не менее уже сегодня можно зафиксировать определённые тенденции в этой сфере. В 1990-е годы, распространение информационных технологий в США происходило при активной поддержке демократической администрации У. Клинтона. Судя по всему, этим объясняется то, что представители Демократической партии пользуются мощной поддержкой информационно-технологической индустрии.

По инициативе республиканской администрации Дж. Буша-мл. происходило усиление государственного контроля над сферой информации, это вызвало недовольство компаний ИКТ-сектора, традиционно поддерживающих представителей Демократической партии. Примечательно, что в региональном измерении данный тезис также находит подтверждение. Те регионы (штаты) экономика которых в большей степени зависит от производства знаний и информационных товаров – поддерживают демократов, и наоборот. Данная особенность сыграла определённую роль и в усилении внутреннего антагонизма, а, по мнению ряда исследователей, даже раскола внутри американского общества, которое усиливается последние годы. Наиболее ярким его проявлением стали президентские выборы 2016 года.

Американские политические традиции определили генеральный подход к регулированию сферы информации. Ключевой вызов заключался в том, чтобы гарантировать каждому равные возможности производства и потребления информации.

⁴ В российской литературе название этого закона переводят по-разному, наиболее часто встречающиеся переводы – закон «О патриотизме», закон «По борьбе с терроризмом», однако *USA PATRIOT Act* – аббревиатура, *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001*, дословно на русский язык это можно перевести как закон «Об объединении и укреплении Америки через обеспечение адекватными инструментами, необходимыми для перехвата и предотвращения терроризма». В данной работе на русском языке используется обозначение закон «ПАТРИОТ». См. подробнее: H.R.3162 – *Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism (USA PATRIOT) Act of 2001* // Library of Congress. Available at: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3162/actions> (accessed: 09.10.2018).

⁵ *USA FREEDOM Act* – это аббревиатура ‘*Uniting and Strengthening America by Fulfilling Rights and Ensuring Effective Discipline Over Monitoring Act*’, что дословно переводится как законопроект «Об укреплении и усилении Америки посредством реализации прав человека и гарантии строгой дисциплины при осуществлении мониторинга». В данной работе на русском языке используется обозначение закон “О СВОБОДЕ”.

В связи с этим администрация Б. Обамы приняла⁶ принцип “нейтральности сети”⁷, основанный на разработках американского профессора права Тима Ву. Американский правовед утверждает, что интернет должен развиваться согласно принципу равенства, который выражается в том, что все информационные сети должны стремиться обеспечить равный доступ всех пользователей к любому цифровому контенту [Wu T.: 2003: 146].

Принцип нейтральности сети подразумевает, что ни коммерческие компании, ни политические структуры не нарушают равный доступ пользователей к производству и потреблению информации. Безопасность информации достигается через гарантию безопасности инфраструктуры при том, что политические или коммерческие структуры почти не контролируют содержание создаваемой и передаваемой информации.

Президент Д. Трамп принял решение отменить принцип “нейтральности сети”⁸ и спровоцировал тем самым мощную волну протестов со стороны предприятий информационно-технологического комплекса. Нельзя исключать, что данное решение будет пересмотрено.

Информационная эпоха отразилась на всех сферах американской политики, включая международные отношения, дипломатию, деятельность вооружённых сил и специальных служб. В частности, большой интерес вызывает тезис о том, что американское лидерство в мире поддерживается не военно-силовыми методами принуждения, а средствами убеждения. Одним из первых данный тезис был сформулирован американским профессором Джозефом Найем. Он утверждал, что дипломаты могут использовать привлекательность культуры и идеологии своей страны для того, чтобы убеждать международных партнёров принимать решения, соответствующие американским интересам [Nye J. 2005: 16]. Таким образом, “мягкая сила” позволяет эффективнее обеспечивать американское лидерство в мире, по сравнению с традиционными военно-силовыми средствами принуждения.

Российский опыт

Регулирование информационной сферы также стало приоритетом российской политики. При чём учитывая сложившиеся в России политические традиции, информационная политика строилась совершенно иначе, чем в США. Российская национальная экономика в значительной степени зависит от сохраняющейся критической зависимости от экспорта природных ресурсов, это отражается и на научно-образовательной деятельности. Необходимость диверсифицировать российскую экономику неоднократно отмечали российскими политическими лидерами. Весной 2018 г. президент России В.В. Путин объявил приоритетом национальной политики «научно-технологический прорыв»⁹. Его основой должна стать сеть научно-исследовательских институтов, с марта 2018 г. подве-

⁶ Net Neutrality. President Obama's Plan for a Free and Open Internet. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/node/323681> (accessed 17.10.2018).

⁷ *Net Neutrality* – в российской литературе встречается перевод “сетевой нейтралитет”.

⁸ CNN. Available at: <http://money.cnn.com/2017/12/14/technology/fcc-net-neutrality-vote/index.html> (accessed: 17.10.2018).

⁹ Kremlin. President of Russia. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/56957> (accessed 17.10.2018).

домственных Министерству науки и высшего образования (до 2013 г. подведомственных Российской академии наук, а с началом реформы РАН – Федеральному агентству научных организаций).

Без сомнения, научно-технологический прорыв – давно назревший, объективно необходимый шаг, едва ли не единственная мера, способная обеспечить конкурентоспособность России в современном мире. Статистика показывает, что потенциал для такого рывка имеется, но необходима скоординированная политика в сфере НИОКР.

Одной из ключевых проблем в российской системе науки и образования является сохранение элементов планирования в экономике, и присущие ей государственный контроль, и бюрократизация. На практике это выражается в том, что образовательные и научные учреждения фактически лишены возможности самостоятельной деятельности. Они выполняют государственные задания в соответствии с разработанными стандартами, авторы которых представители власти, не имеющие практического опыта научных исследований, или образовательной практики.

Стандартизация и сохраняющееся с советских времен государственное планирование не позволяют системе высшего образования оперативно реагировать на изменившиеся экономические условия. Исследователи Высшей школы экономики пришли к выводу, что по этой причине, несмотря на рост числа работников с дипломом (с 23,8% в 2001 г. до 32,2% в 2014 г.), каждый четвертый россиянин, окончивший вуз, выполняет работу, не требующую высшего образования. При этом около 30% считают, что работают не по специальности¹⁰. Полученная квалификация не востребована в экономическом производстве.

Применяемые стандарты оценки эффективности почти не учитывают специфику различных научных дисциплин. Данное обстоятельство особенно негативно отражается на гуманитарных исследованиях. В США и странах-лидерах ими занимаются исследовательские центры (*think tanks*). В России этим занимаются в институтах Отделения глобальных проблем и международных отношений и Отделения общественных наук. При этом специфика работы этих институтов не соответствует применяемым методам объявленного научно-технического прорыва.

По сравнению с американским опытом интеграции науки и образования, в Советском Союзе и в современной России две эти сферы были в большей степени разделены. Учреждение Министерства науки и высшего образования, судя по всему, призвано решить данную проблему.

Тяжелейшая проблема российской науки – катастрофически низкое финансирование. Обращает на себя внимание заметное отличие российской системы финансирования науки от опыта мировых лидеров. Доля частного сектора в финансировании российской науки составляет около четверти всех расходов на НИОКР. Основным же заказчиком научных исследований является государство, что свидетельствует о невостребованности результатов научных исследований в экономике, и неэффективности механизма применения полученных знаний в производстве.

¹⁰ Demoscope Weekly. Institute of Demography of Higher School of Economics. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2017/0713/tema06.php> (accessed 17.10.2018).

Развитию производства знаний в России также препятствует заметно упавший престиж науки. Отсутствие интереса к исследованиям со стороны бизнеса, вместе с низким государственным финансированием привели к тому, что научная деятельность потеряла привлекательность. Декларируемая абсолютным большинством российских политиков на самом высоком уровне цель диверсификации национальной экономики и развитие экономики знаний невыполнима при сохраняющемся подходе государственного администрирования. Опыт США и мировых лидеров свидетельствует о том, что технологический прорыв происходит через удовлетворение массового потребительского спроса. Основу советской, и, судя по всему, российской научно-технологической политики, составляет государственный заказ. Это позволяло поддерживать конкурентоспособность в ряде областей, в основном связанных с вооруженными силами и национальной безопасностью, но не обеспечивало комплексного научно-технологического преимущества.

Современная российская политика направлена на сохранение сложившейся системы тесного взаимодействия между государством и монополиями нефтегазового сектора. Чрезмерный государственный контроль и бюрократия заметно усложняют организацию нового производства, поэтому многие специалисты уезжают за рубеж, где спрос на их квалификацию намного выше.

В научно-техническом потенциале России наблюдается инерция со времен Советского Союза, однако она уже не в состоянии обеспечить конкурентоспособность России в новых условиях. К примеру, в советской научно-образовательной политике важную роль играли такие элементы планирования, как внедрение результатов научных исследований в производство, а также распределение на работу после получения высшего образования, не совместимые с рыночной экономикой. Госзаказ в современной научно-технологической политике как раз является элементом планирования, негативно отражающимся на экономике. Научно-технологический прорыв, необходимый для конкурентоспособности национальной экономики не может быть обеспечен выполнением государственного заказа. Приоритетами научно-технологического рывка должны стать производство знаний, создание эффективного механизма применения результатов научных исследований в производстве.

Попытки обеспечить экономический рост за счёт несырьевых отраслей, как правило, не достигают поставленных целей. К примеру, в середине 2017 г. правительство утвердило программу “Цифровая экономика”¹¹. При этом все заявленные в программе задачи ограничиваются обеспечением регионов и производств информационной инфраструктурой, разработкой очередных стандартов, но не созданием знаний.

Цифровая экономика может быть средством в развитии экономики производства знаний, но не может быть самоцелью. Цифровизация производства позволит немного повысить производительность труда, однако не обеспечит диверсификацию экономики, не изменит структуру производства, не создаст новые отрасли, и, как следствие, не повысит конкурентоспособность в мировой экономике.

¹¹ Government of Russian Federation. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (accessed 17.10.2018).

Подобное отношение государства к регулированию знаний отражается и на информационной политике, представляющей собой современный аналог “железного занавеса”, времен холодной войны, но в условиях глобального информационного пространства. В эпоху глобализации, подобный подход негативно отражается на конкурентоспособности страны.

Учитывая, что российская научно-технологическая политика удовлетворяла интересы государства в большей степени, чем потребительский спрос, регулирования сферы информации в России также не принимало во внимание многих особенностей индивидуального производства и потребления информации. Ключевым отличием российской информационной политики от американской является то, что в понятие информационная безопасность входит не только и не сколько гарантия сохранности инфраструктуры, сколько соответствие содержания самой информации установленным государством стандартам.

Принятые в последние годы законодательные меры: закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию”, закон “Об оскорблении чувств верующих” и др., возлагают на государственные органы функции определения “вредности” информации, а также полномочия ограничить распространение этой информации, в том числе в сети интернет.

Другая законодательная норма запрещает использование так называемых “анонимайзеров”, позволяющих обойти подобные запреты. Кроме того, действует закон о локализации данных, обеспечивающий доступ российских специальных служб к персональным данным, которые в соответствии с законом должны храниться на территории России.

Проблема доступа специальных служб к конфиденциальной информации также регулируется законами “Пакета Яровой”¹². Положения этого закона, вызвавшие наибольшую критику общественности, обязывают операторов связи хранить в течение полугода и предоставлять российским спецслужбам конфиденциальные данные российских граждан. Закон был принят в кратчайшие сроки вопреки мнению экспертов и представителей отрасли¹³, а также правительства¹⁴, не говоря уже о правозащитниках и средствах массовой информации. Положения, и в первую очередь мотивационная часть данного закона, напоминают максимально жесткую редакцию закона “ПАТРИОТ”. Вместе с тем, “Пакет Яровой” принимался в совершенно иных условиях, когда американский опыт

¹² “Пакет Яровой” получил свое название по имени депутата Государственной думы И.А. Яровой, предложившей его к рассмотрению. На самом деле это два документа: Федеральные законы от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ “О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (доступ: <http://kremlin.ru/acts/bank/41108>, дата обращения: 10.11.2016) и № 375-ФЗ “О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности”. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/52489> (accessed: 10.11.2016). Оба были подписаны Президентом РФ 7 июля 2016 г.

¹³ Официальная позиция РАЭК по “законопроекту Яровой” (№ 1039149-6 – второе чтение) // Российская ассоциация электронных коммуникаций. 21.06.2016. Available at: <http://old.raec.ru/times/detail/5225/> (accessed 17.10.2018).

¹⁴ Глава Минкомсвязи признал, что из-за “пакета Яровой” связь может подорожать на 300% // NewsRU.com. 30.06.2016. Available at: <http://www.newsru.com/russia/30jun2016/mincom.html> (accessed 17.10.2018).

уже доказал, что усиление государственного контроля над конфиденциальной и частной информацией неэффективно.

В первое время, в условиях, когда информационные технологии не получили столь широкого распространения в России, по сравнению с текущим состоянием, приоритетом обеспечения информационной безопасности был контроль над содержанием распространяемой информации. В Доктрине информационной безопасности в редакции 2000 г. даже не использовался термин “интернет”.

Во многих доктринальных документах прослеживается противопоставление интересов государства и граждан. Доктрина информационной безопасности в редакции 2016 г.¹⁵ сохраняет триаду интересов личности, общества и государства, принятую ещё в редакции 2000 г.¹⁶, однако положения, касающиеся интересов личности, исчезли, сохранились только формулировки, касающиеся интересов государства.

Доктрина информационной безопасности 2016 года подтверждает позицию российского руководства относительно дальнейшей фрагментации и суверенизации российских информационных ресурсов.

В частности, в Доктрине в редакции 2016 г. декларируется, что “стратегическими целями обеспечения информационной безопасности ... являются защита суверенитета, поддержание политической и социальной стабильности, территориальной целостности Российской Федерации, обеспечение основных прав и свобод человека и гражданина, а также защита критической информационной инфраструктуры”. При этом основные угрозы связаны с деятельностью иностранных сил, утверждается, что “возможности трансграничного оборота информации всё чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности”¹⁷.

Индивидуальное развитие, новые возможности, появившиеся благодаря информационным технологиям, воспринимаются российским руководством как угроза суверенитету и национальной безопасности. Реакцией на новые возможности становится усиление государственного контроля, ограничивающие информационную деятельность. При этом применяемые методы регулирования не учитывают особенности информационных ресурсов и специфики информационной эпохи. Государственный контроль над сферой информации несовместим с принципом нейтральности сети.

Двустороннее взаимодействие в новых условиях

В постбиполярном мире российско-американские отношения складывались неоднозначно. Поводом для беспрецедентного кризиса двусторонних отношений послужили действия России в Крыму 2014 г., хотя проблемы назревали задолго до этого. За последующие четыре года, претензии к России дополнились обвинениями во вмешательстве в выборы в США и странах Европы, поддержку

¹⁵ Security Council of Russian Federation. Available at: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document5/> (accessed 17.10.2018).

¹⁶ Система ГАРАНТ. Available at: <http://base.garant.ru/182535/#friends#ixzz4tECPhyL> (accessed 17.10.2018).).

¹⁷ Ibid.

авторитарных режимов, химической атаке на территории Великобритании, нарушении международных договоров и пр. Несмотря на отсутствие весомых доказательств каждого из этих обвинений, сведения, распространяемые в информационном пространстве, не всегда достоверные, ложатся в основу принимаемых решений.

Учитывая, что под влиянием информационной революции в США уже произошли определённые политические изменения, консервативные традиции российской идеологии становится поводом для обвинений и подозрений в ревизионизме, непринятии демократических ценностей и атак на демократию.

Развернувшееся противостояние сложно назвать идеологическим, учитывая, что с развалом социалистической системы, в России формируется капиталистическое общество. Г. Киссинджер ещё в начале 2014 г. отмечал, что на смену идеологическому конфликту, судя по всему, приходит “демонизация Путина”¹⁸.

Учитывая сложившиеся политические традиции, в России и США формируется различное понимание таких присущих лишь информационной эпохе феноменов, как информационная агрессия, информационный суверенитет, а, соответственно, применяются и различные инструменты ответа на агрессию и защиты суверенитета.

В американской парадигме, информационной агрессией считается препятствование свободному распространению информации, в России же под агрессией понимается распространение “неправильной” информации в российском обществе.

Практически все американские политические медиа едины в оценке российской политики. Стремясь дать симметричный ответ на предъявляемые обвинения, российское руководство использует единственно возможный инструмент, который имеет в своём распоряжении – государственные СМИ. Американская общественность воспринимает это как инструмент Кремля, что вызывает ещё большее раздражение.

Кроме того, Соединённые Штаты также стремятся использовать инструменты “мягкой силы”, пытаясь взаимодействовать с российским обществом напрямую, прибегая к средствам убеждения. Подобные действия воспринимаются в России как угроза национальной безопасности. Российское руководство отвечает демонстрацией традиционной военной мощи, иными словами – использует асимметричные инструменты обороны, против действий, которые не являлись нападением. Кроме того, для защиты национальных интересов, Россия стремится использовать существующие международно-правовые институты, так как они в большей степени соответствуют реалиям доинформационной эпохи. Политика же Соединённых Штатов основана на том, что эти институты не в состоянии обеспечить защиту американским интересам, для этого применяются инструменты национальной американской мощи. В условиях глобализации подобные противоречия неизбежно приводят к неконтролируемой эскалации, не имеющей перспектив снижения, во всяком случае в ближайшее время.

¹⁸ Kissinger H. To Settle the Ukraine Crisis, Start at the End // Washington Post, March 5, 2014. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html?utm_term=.89e9337bbdde (accessed 17.10.2018).

Заключение

В начале XXI века США и Россия оказались в беспрецедентных условиях. Распад биполярной системы международных отношений, появление новых факторов международного влияния, сыграли определённую роль в изменившихся условиях конкуренции и развернувшемся кризисе.

Существующий характер кризиса не позволяет использовать какой-бы то ни было существующий опыт урегулирования. Кроме того, в XXI веке решающую роль в двусторонних отношениях играет информационное взаимодействие, которое заметно осложняется в связи с различным подходом руководства к регулированию сферы информации как в России, так и в США. В связи с этим, большую роль в урегулировании кризиса будет играть информационный фактор, обусловленный в значительной степени внутриаполитическими аспектами.

Кроме того, большую роль играют внешние причины, связанные с формированием постбиполярной системы международных отношений. Уже сегодня существует множество примеров того, что существующие международно-политические институты, призванные гарантировать стабильность и регулировать международные конфликты, теряют эффективность и нуждаются в модернизации. Это также связано с тем, что они создавались в другое время, в других условиях и не соответствуют требованиям информационной эпохи.

С точки зрения международных отношений, наступление информационной эпохи выявило противоречия в национальных подходах к регулированию сферы информации, что и послужило одной из причин развернувшегося кризиса.

Официальные позиции России и США диаметрально противоположны практически по всем направлениям, не стоит ожидать их изменения ни одной из сторон. Более того, для предотвращения дальнейшей эскалации важно развивать двустороннее взаимодействие не только на официальном, но и на других уровнях.

В двустороннем взаимодействии между российскими и американскими политическими элитами наблюдается крайне низкий уровень доверия. Одной из сложнейших задач современной внешней политики России является необходимость убедить Америку в неагрессивности намерений, при этом не демонстрируя слабость. В этом заключается вызов “умной силы” России. К сожалению, альтернативные каналы международного взаимодействия, такие, как публичная дипломатия, в нашей стране пока что не позволяют делать это эффективно, что приводит к асимметрии возможностей и изоляции.

Список литературы

- Аллен Р. 2014. *Британская промышленная революция в глобальной картине мира*. М.: Изд-во Института Гайдара. 448 с.
- Баталов Э.Я. 2009. *Русская идея и американская мечта*. М.: Прогресс. 590 с.
- Супян В.Б. 2009. *Исследовательские университеты в США: механизм интеграции науки и образования*. М.: Магистр 399 с.

References

- Allen R. 2014. *Britanskaya promyshlennaya revolyutsia v globalnoy kartine mira*. [The British Industrial Revolution in Global Perspective]. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaidara. 448 p.

Batalov E. 2009. *Russkaya idea i amerikanskaya mechta*. [Russian Idea and American dream]. Moscow, Progress. 384 p.

Ferguson N. 2012. *Civilization, the West and the Rest*. Penguin. 402 p.

Fukuyama F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. Farrar, Straus and Giroux; Reprint Edition (October 13, 2015).

Nye J. 2005. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs April 27. 191 p.

Supian V.B. 2009. *Issledovatel'skie universitety v SShA: mehanizm integracii nauki i obrazovaniya* [Research universities in the USA: a mechanism for the integration of science and education], Moscow, Magistr, 399 p.

Wu Tim. 2003. *Network Neutrality, Broadband Discrimination* // Journal of Telecommunications and High Technology Law, Vol. 2, p. 141, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=388863> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.388863> (accessed 22.03.2018).

Russia and United States in Information Era

(USA & Canada Journal, 2019, No. 2, p.24-37)

Received 29.03.2018.

SHARIKOV Pavel Aleksandrovich, Institute for the U.S. and Canadian Studies, the Russian Academy of Sciences. 2/3 Khleby per., 121067 Moscow, Russian Federation; Lomonosov Moscow State University. 1c51, Leninskiye gory, Moscow. (pasha.sharikov@gmail.com).

The article explores the specifics of political processes in Russia and in United States in information age. As a result of rapid spread of information technologies in the end of XX – beginning of XXI centuries, information became a priority of political development. Information factor plays a significant role in domestic politics as well as international relations. Comparing Russian and American cases of national information policies is especially interesting, because the differences in these two countries are mostly different. American approach to information policies was defined by Consumer demand on information technologies which made the United States the epicenter of information revolution in the 1990-ies. The basis of state information policies became the individualistic tradition. In Russia, the traditional paternalism became the basis for collectivist information policies. The general specific of information policies in Russia is growing government control of information production and consumption. It has notable implications on the deterioration of bilateral relations.

Keywords: *Russia, USA, information policies, internet, information security.*

About the author:

SHARIKOV Pavel Aleksandrovich, Candidate of Sciences (political science), leading research fellow, Associate professor, School of World Politics.